

Сергей Саканский
AVE MEDIA

MI LUCHA

Mi lucha

Ave Media

Сергей Саканский

Mi Lucha

«Автор»

2003

Саканский С. Ю.

Mi Lucha / С. Ю. Саканский — «Автор», 2003 — (Ave Media)

Берлин, 1945 год. Сонная Европа, уставшая от долгих мирных лет. Адольф Гитлер стал известным художником-антифашистом. Он пишет картину «Mi Lucha», что в переводе с испанского означает «Моя борьба» – название книги мексиканского диктатора. Содержание картины напоминает нам «Гернику» Пикассо. Какие-то люди похищают живописца прямо из его мастерской, тайно везут в Мексику, где к власти пришли лучисты во главе с Троцким и первым идеологом лучизма, таинственным товарищем Лучо. Они основали в Латинской Америке тоталитарную империю, которая развязала вторую мировую войну на Американском континенте, напала на США. Юг страны уже захвачен, крупные города разрушены, линия фронта докатилась до Нью-Йорка... Все события и персонажи серии вымышлены и любые совпадения с реальностью случайны.

© Саканский С. Ю., 2003

© Автор, 2003

Содержание

30 апреля 1945 года	6
Берлин – Париж	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Сергей Саканский

Mi Lucha

*Теперь уже ни просьбы, ни угрозы не могли ничего изменить.
Я хотел стать художником, и никакая сила в мире не заставила бы меня
стать чиновником.*

*Адольф Гитлер,
«Майн Кампф»*

Другу моей молодости, Саше Иванову-Сухаревскому с любовью

Тридцатого апреля 1945 года Адольф Гитлер навсегда исчез из видимого слоя реальности. Его прежняя, в Германии и во всем мире хорошо известная жизнь была закончена. Новая ипостась, в которую перешел этот человек, столь же отличалась от предыдущей, как только небесное блаженство может отличаться от жалкого земного бытия.

Здесь будет рассказано о таинственных путях этого перехода, основанных на мистической сущности и магии фашизма, его пагубном утопическом очаровании, захватившем миллионы человеческих душ, миллионы несчастных мозгов на обширной территории одного из полушарий планеты. Долгий и парадоксальный путь Гитлера в мае 1945 года, в те самые дни, когда многие считали его погибшим, теперь представляется удивительной, почти детективной историей.

Пусть сам латиноамериканский период Гитлера все еще малоизучен, о его жизни в Мексике ходят легенды, над его наследием ломают копья специалисты, но сам путь его из одного полушария в другое, этот глубоко засекреченный, тайный вояж можно проследить буквально по дням.

30 апреля 1945 года

В последний день своей берлинской жизни Гитлер проснулся как обычно – в 5.30 утра. Он буквально выпал из сна, обнаружив себя на коврике у кровати, что было его давней и тайной, неподдающейся никакому лечению болезнью.

Ему снились кривые улочки и черепичные крыши Линца, города, где прошло его детство, именно крыши, по которым он бродил, высматривая неожиданные городские пейзажи и смутно мечтая стать архитектором или – в худшем случае – художником.

Гитлер подошел к окну, закурил сигару. Эта контрабандная кубинская сигара была, скорее, ритуалом, чем удовольствием. Она включала полупроснувшегося человека, своей едкой сытностью напоминая о том, что в мире идет война. *Trava guarda cigarra!* – любил говорить лидер мексиканских фашистов, единственный человек на планете, которого Гитлер по-настоящему ненавидел.

Город в предрассветных сумерках выглядел причудливым, серым и злым. Казалось, что он лежит в руинах, а сизый утренний туман стелется, словно дым пожарища.

Гитлер писал обычно сразу после утренней сигары, пока сновидения еще не рассеялись. С истинно немецкой пунктуальностью он каждое утро выкуривал половину сигары у окна, осторожно стряхивая пепел в корешки своей любимой *Micelia Cirus*, затем гасил сигару о край горшочка, опускал в карман пижамы и поднимался в мастерскую.

В тот день ему предстояло закончить *Апокалипсис*, картину, которая была анонсирована Дрезденской национальной галереей три месяца назад. Критики, друзья и враги, уже заострили перья. Фотографии знаменитого художника у холста, полученные *paparazzi* через окошко, засветились в нескольких газетах. Пачка пригласительных билетов на открытие выставки, перевязанная голубой лентой, лежала на крышке бюро.

Холст размером семь на три, низко установленный на трех массивных опорах, закрытый белыми занавесями, напоминал какую-то запретную стену, и маленький человек в полосатой пижаме, остановившийся перед ней в нерешительности, смахивал на сумасшедшего, задумавшего побег. Именно такая фотография и была предъявлена мировой общественности, с подзаголовком – *Гитлер собирается бежать!*

Другая фотография являла Гитлера, но уже перед открытым холстом. Картина, состоявшая из множества кубов и ромбов, пересекающихся линий, также была похожа на некую стену, но только расписанную жизнерадостным граффити. Подзаголовок гласил: *Гитлер портит берлинскую стену скабрезными рисунками!*

Впрочем, в газетах, симпатизирующих художнику, надписи были другими, соответственно:

Адольф Гитлер: за стеной страна неведомых отражений...

Адольф Гитлер: художник готов шагнуть через стену...

Как бы то ни было, но образ стены присутствовал во всех публикациях, и не потому только, что картина была узкая и длинная. Общее отношение к художнику, которое культивировалось в критике примерно с июня прошлого года, было таково: все знали, что в жизни и творчестве пожилого гения наступил кризис, который мог означать либо окончательное падение в безвестность, либо новый небывалый взлет.

Гитлер подошел к небольшому пульту в восточной части мастерской и дернул за рычаг. Тихо, вкрадчиво заурчал механизм, и занавеси с шорохом разъехались, обнажив картину.

Солнце еще не взошло, но для того, что собирался сделать художник, не надо было дневного света.

Гитлер нажал на красную кнопку, и картина медленно поднялась – так, что нижний ее край оказался на уровне глаз. Гитлер выдавил на палитру тонкий червячок газовой сажи, капнул скипидара, взял колонковую кисть третьего номера и вывел в нижнем правом углу:

Adolf Hitler

Mi Lucha

30.04.45

Мысль изменить название картины возникла внезапно. Падающие башни, горящие лестницы, изломанные небоскребы – типичный американский город, в котором можно было узнать Хьюстон и Даллас, лежащие теперь в руинах, Лос-Анджелес, Чикаго и Вашингтон, где проходила линия фронта, – все это символизировало Апокалипсис Иоанна, но также и несло отпечаток личности того, кто сам стал символом тяжелого, тупого, всепожирающего кошмара.

Его жизнь. Его борьба.

Рука со свечой, выброшенная из-за портьеры, которая обращается в Бруклинский мост, пока еще живой... Свалка ковбойских шляп, гонимая мусорным ветром... Мертвые лица и лопнувшие тескикулы истерзанных негров... Черные тараканы на клавиатуре рояля...

Все это и было именно *Mi Lucha*, или – в переводе на немецкий – *Моя Борьба* – заглавие книги мексиканского диктатора и одновременно – весь его извращенный мир, его препарированное сознание, выплеснутое на холст несколькими килограммами кобальта и краплака, охры и киновари, церулеума и белил.

Три месяца изнурительного труда. Гирлянды нейронов, навсегда уснувших в мозгу. *Падение в неизвестность или новый небывалый взлет...* Гитлер бросил кисть в глиняный тигель с растворителем и зарыдал в голос.

Моя жизнь. Моя борьба.

Он ощутил себя огромным, как тюльпанное дерево или статуя Свободы. Во всем мире не было художника, равного ему. Он стоял, словно желтый тополь среди столетних дубов, ветром продутый, солнцем просвеченный насквозь, и где-то в глубине листвы скрывался его бедный, больной, выбеленный временем череп.

И солнце взошло над городскими крышами в этот миг, и ветер подул в мастерской...

Или не ветер – просто сквозняк из неожиданно распахнувшейся двери.

Гитлер оглянулся. Скрипнула и хлопнула дверь. Какой-то человек быстро вошел в мастерскую и двинулся к нему. Другая фигура метнулась вдоль стены, блокируя черный ход.

– Это не папарацци! – успел подумать Гитлер, когда сильные руки схватили его, тщедушного и маленького, и в лицо ударила струя холодной, обжигающей жидкости из пульверизатора, и он обрел себя стоящим посередине странной и смутной, видимой и невидимой, черной и белой черемуховой рощи в цвету.

Берлин – Париж

Это был какой-то маленький, тесный гроб с нетвердыми стенками: они прогибались, когда Гитлер пытался пошевелиться. Он был в три погибели согнут – колени упирались в одну стенку, затылок и шея – в противоположную, спина и крестец, темечко, стиснутые предплечья – все части его тела уткнулись в упругие, как будто кожаные стены. Тело спеленато, словно мумия, рот забит кляпом.

Было странным, что он еще может дышать. Более того: лицо обдувала тонкая и вялая струя свежего воздуха. Он не сразу понял, откуда она берется. Совсем близко раздавалось электрическое жужжание: где-то на уровне живота работал моторчик, он-то и нагнетал воздух в эту портативную темницу.

Кроме того, в черном мире Гитлера существовали еще какие-то звуки... Совсем близко раздавалось сухое шарканье, голоса, а где-то вдали – гудки и подозрительно знакомое чуханье. Вдруг послышался частый стук каблучков, приблизился, прошел мимо и удалился...

Вся эта звуковая схема была хорошо ему знакома. Гитлер узнал ее: это был вокзал. И тут, будто в подтверждение, раздался внятный и чистый девичий голос:

– Поезд Берлин-Париж отправится в восемь тридцать с первого пути. Повторяю...

Тут же все внешнее пространство пришло в движение. Гитлер понял, что летит, поднимается, качается вперед-назад...

Чемодан!

Без всякого сомнения, он лежал, скрюченный, плотно спеленатый в большом кожаном чемодане, построенном специально для него и оборудованном вентиляцией для дыхания, и чьи-то руки подхватили его и понесли.

Боже мой! Меня похитили... Но кто, зачем?

И тут же, словно отвечая на его вопрос, сверху донеслась сдавленная, явно не предназначенная для посторонних ушей, испанская речь:

– Que trato veno esto mudaco?

– Veno el mudaco con primero perono.

Какое-то время его несли, затем поставили на землю.

– Господа, такой большой чемодан следует сдать в камеру хранения, – раздался голос проводника.

– В этом чемодане дипломатическая почта, – ответили наверху.

Гитлера пронесли несколько шагов, забросили вверх и положили на бок. Он почувствовал облегчение. Лежать в новой позе было приятнее. Все, что он теперь хотел от этой жизни – это большой кусок курицы и маленький фарфоровый унитаз.

Поезд тронулся. Чемодан взяли, перебросили и открыли. Воздух и свет ударили Гитлеру в лицо.

– Если вы не будете поднимать панику, то всю дорогу мы обеспечим вам максимальный, насколько это возможно, комфорт.

Речь пожилого человека с тонкими мафиозными усиками была донельзя корректной и правильной.

Гитлер удивленно посмотрел на него.

– Вы верно меня поняли, Адольф! – сказал человек, в то время как другой, молодой и крепкий гигант, принялся разматывать бинты. – Меня зовут Генрих Геблербухер. Я немец. А это мой друг, Сальвадоре Мучачо. Он немного владеет немецким, но весьма молчалив. К сожалению, во всей Империи не нашлось другого парня, который был бы столь же силен, чтобы нести чемодан, и одновременно говорил на языке Вагнера и нибелунгов.

– Yo credo caballo sabano! – сказал Сальвадоре.

– Он такой огромный, – продолжал Генрих, – что в сочетании с чемоданом, вашим временным жильем, выглядит совершенно нормально, так, как если бы это был самых обычных размеров дорожный чемодан. Полагаю, вы уже догадались о цели нашего путешествия, не так ли, Адольф?

– Вы – люди товарища Лучо, – сказал Гитлер.

– Совершенно верно. Конечная цель нашего путешествия – Мексика, ваша встреча и беседа с Императором.

– А потом?

– В зависимости от результата беседы. Вполне возможно, что вас расстреляют. Шутка. Но в любом случае – в Берлин вы больше не вернетесь, милый Адольф.

– Не называйте меня *милым Адольфом*. Я терпеть не могу гомосексуалистов. Во всяком случае, не коверкайте мое имя. Меня зовут *Адольф Шикльгрубер*. Ударение на втором слоге, как в имени, так и в фамилии.

– *Esta gumacha gomofovia*, – сказал Сальвадоре и, в знак своего раздражения – громко рыгнул.

– Вы пессимист, *Адольф*, – сказал Генрих, невозмутимо ударив на первый слог. – Пессимисты всегда предполагают худший вариант развития событий. Здесь никому не нужна ваша баварская задница. Возможно, вы еще понадобитсяе живым Третьей Империи Инков. И скажите спасибо, что я не коверкаю ваш творческий псевдоним, как это делают французы – *мсье ГитлЭр*.

– Я ненавижу вашу Империю, – сказал Гитлер.

– Нам это известно.

– Я ненавижу всех инков до последнего колена, а также – всех майя и ацтеков.

– Это совершенно естественно.

– Я ненавижу вашу мразь с усиками, – вашего товарища Лучо и вашего Троцкого.

– Это также простительно.

– Я ненавижу вашу дерьмовую еду.

Мужчины переглянулись. Сальвадоре схватил Гитлера за воротник и коротко ударил ладонью по лицу.

– *Do not tell us about our grand paprica!* – сказал он почему-то на почти английском, даже не скрывая волнения.

– Сальвадоре очень любит поесть, – уточнил Генрих. – Мы могли бы предложить вам холодные сосиски с теплым баварским пивом.

– Я хочу курицу, – угрюмо сказал Гитлер. – Я всегда ем вареную курицу в дороге.

Он посмотрел в окно. Поезд двигался сквозь предместья Берлина, так хорошо знакомые... Только что, в клубах паровозного дыма промелькнул дом, где он когда-то жил со своей Мицей.

– Он хочет курицу, – сказал Генрих, почему-то по-русски.

– Значит, я обязан ему доставить эту ебанную курицу, – тоже по-русски ответил Сальвадоре.

Гитлер не подал виду, что понимает русский язык. Это был первый прокол в кем-то хорошо продуманной операции. Он с грустью посмотрел в окно.

– Принеси ему, мать-перемать, горячую курицу из ресторана!

– Если бы ты знал, как я ненавижу курятину!

– Но ведь ты любишь товарища Лучо?

– Еще как! Если бы мне было позволено, я бы засунул свой трепетный язык ему в анус. Только все дело в том, что я забыл, как будет курица по-немецки. И поэтому в ресторан пойдем ты.

– Окей! Пусть этот парень пока просрется, – сказал Генрих, выходя из купе.

– Стойте! – закричал Гитлер. – Я не хочу оставаться наедине с этим педриллой.

– Полноте, друг мой! Сальвадоре сегодня на службе. Впрочем, если вы так боитесь венерических болезней, то я настоятельно рекомендую всегда носить в жилетном кармане презерватив.

– Бог смотрит, что мне не очень хорошо наблюдать, как вы будете делать свое *sierra serrato*, – сказал Сальвадоре, устроившись в позе стража в дверном проеме купейного туалета.

– Видит Бог... – машинально поправил его Гитлер.

Он нашел свой утренний окурок в кармане пижамы и с изумлением уставился на него. Сегодняшнее утро казалось ему невообразимо далеким, впрочем – как и вся жизнь...

На полочке для туалетной бумаги Гитлер увидел какую-то изорванную книжицу, пробежал несколько строк и сразу узнал этот нервный, витиеватый, частым дыханьем прерванный стиль. Это была именно она – *Mi Lucha*, в прекрасном переводе на немецкий, сделанном, как и все прочие переводы, в академических недрах Третьей Империи, где самозабвенно трудились лучшие умы человечества, *добровольно* перешедшие на ее сторону... Гитлер ясно представил себе, как их выдрали из обустроенной реальности – ученых и философов, писателей и актеров, художников и музыкантов – притравили сонным черемуховым зельем и повезли сквозь вокзальные терминалы, сквозь шумные портовые толпы... Вот встречаются в зале ожидания две дипломатические гориллы с чемоданами в руках, у одного в чемодане Марлен Дитрих, у другого – Максим Горький... Деньги, заложники, пытки...

Так можно заставить подписать любые бумаги, оклеветать самого себя, от кого угодно отречься... Можно заставить служить хоть самому Дьяволу, но разве может насилие стать источником вдохновения художника?

Тогда я еще и представить себе не мог, каким безнадежным и гнилым, застарелым и жалким сифилисом болеет эта старая шлюха...

– Что, какая еще шлюха? – пробормотал Гитлер, вчитываясь, и вскоре понял, что товарищ Лучо имел в виду Европу.

Гитлер вырвал несколько страниц и размял. Дом, промелькнувший в золоте и дыме, теперь крепко остановился перед глазами, как бы вправленный в рамку. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, не вытащи он Мицу из петли в 1916-м году. Мица прожила еще десять лет. И все равно – покончила с собой.

В ее в сердце и легких уже образовались срамные гуммы, ее дряблая кожа покрылась шанкрами, папулами и розеолами...

Но ведь он мог и не стать тем, кем стал! Он хотел доказать своей жене, что мир прекрасен, что жить в этом мире радостно, что любовь – это сплошной праздник...

Вот почему тогда, в 1916-м, он и вернулся к живописи, написал несколько городских пейзажей, исключительно для своей Мицы, вскоре один знакомый художник пригласил его на выставку, которую посетил Пикассо... И внезапно все завертелось и понеслось: его заметили, о нем заговорили... Но ничто не спасло его Мицу: как-то промозглой зимней ночью она приняла барбитурат...

– Вот ваша курица, любезный! – провозгласил вошедший Генрих. – Сразу, как кончите испражняться, можете приступить к трапезе.

После еды Гитлера повалили ничком на кушетку и содрали него брюки. Сальвадоре легко шлепнул его по голой заднице.

– Я все расскажу товарищу Лучо! – тонким голосом пригрозил Гитлер.

– Это не имеет значения, – с грустью сказал Генрих.

– Проклятые гомики, зараза, да чтоб у вас хуи отсохли! Стрелять вас надо, вешать на каждом столбе...

– Всех не перестреляешь, *la bado muchaho!* – с возмущением парировал Сальвадоре.

– Да и столбов на них вряд ли хватит... – вздохнул Генрих. – Вы нас неверно поняли, милый Адольф. Мы просто собираемся сделать вам укол снотворного. А насчет пожаловаться Императору – вы также ошибаетесь.

– Надеюсь, Император... Ай! – Гитлер почувствовал иглу и холодный болезненный выплеск, раздвигающий ткани. – Думаю, что вам было приказано обращаться со мной подобающим образом, пока мой вопрос еще не решен.

– Да, нас проинструктировали. Но вся беда в том, что люди GG в любом случае убьют Сальвадоре и меня. Потому что не должно остаться свидетелей. Если вы согласитесь сотрудничать добровольно, то будет придумана легенда о том, что вы тайно и по своей воле пробрались в Мексику, чтобы увековечить на своих полотнах Третью Империю Инков и лично товарища Лучо. Если же нет, то вы покончите с собой на заднем дворе дома, где вы жили со своей женой, урожденной Мицей Стакански.

– Что? Мица?

– Мы гораздо больше осведомлены о вас, чем вы думаете. В своей прошлой жизни товарищ Лучо был популярным кинорежиссером. Он умеет разрезать действительность, будто слоеный пирог. Это беда всякого большого художника. Поэтому только великий художник становится великим вождем.

Гитлер зевнул.

– А может, лучше, если великий вождь станет великим художником... Вы даже представить себе не можете, от какого будущего я отказался.

– Можем, – сказал Генрих. – Именно поэтому вам и подсунули допельгангера...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.